

Исповедь, или Оля, Женя, Зоя — эпизод 2 из 2

Не тратьте марок понапрасну и оставьте нас в покое. Займитесь чем-нибудь другим.

Ну и глупо... Сейчас видно, что дураки писали.

Мммммм... промычала Женя.

Ка-кие мерр-зав-цы!!! пробормотал я. Каково? И вы, Евгения Марковна, станете теперь улыбаться моему разделению?

Женя задумалась и зевнула.

Что ж? сказала она. Может быть, у вас и на самом-таки деле нет таланта! Им это лучше знать. В прошлом году Федор Федосеевич со мной целое лето рыбу удил, а вы всё пишете, пишете... Как это скучно!

Каково? И это после бессонных ночей, проведенных вместе над писаньем и чтаньем! После обоюдного жертвоприношения музам... А?

Женя охладела к моему писательству, а следовательно, и ко мне. Мы разошлись. Иначе и быть не могло...

Вы, конечно, знаете, мой незабвенный друг, что я страшно люблю музыку.

Музыка моя страсть, стихия... Имена Моцарта, Бетховена, Шопена, Мендельсона, Гуно имена не людей, а гигантов! Я люблю классическую музыку. Оперетку я отрицаю, как отрицаю водевиль. Я один из постояннейших посетителей оперы. Хохлов, Кочетова, Барцал, Усатов, Корсов... дивные люди! Как я жалею, что я не знаком с певцами! Будь я знаком с ними, я в благодарностях излил бы пред ними свою душу. В прошлую зиму я особенно часто ходил на оперу. Ходил я не один, а с семейством Пепсиновых. Жаль, что вы не знакомы с этим милым семейством! Пепсиновы каждую зиму абонируют ложу. Они преданы музыке всей душой... Украшением этого милого семейства служит дочь полковника Пепсинова Зоя. Что это за девушка, моя дорогая!

Одни ее розовые губки способны свести с ума такого человека, как я!

Стройна, красива, умна... Я любил ее... Любил бешено, страстно, ужасно!

Кровь моя кипела, когда я сидел с нею рядом. Вы улыбаетесь, ma chère...

Улыбайтесь! Вам незнакома, чужда любовь писателя... Любовь писателя Этна плюс Везувий. Зоя любила меня. Ее глаза всегда покоились на моих глазах, которые постоянно были устремлены на ее глаза... Мы были счастливы. До свадьбы был один только шаг...

Но мы погибли.

Давали Фауста. Фауста, моя дорогая, написал Гуно, а Гуно величайший музыкант. Идя в театр, я порешил дорогой объяснить с Зоей в любви во

время первого действия, которого я не понимаю. Великий Гуно напрасно написал первое действие!

Спектакль начался. Я и Зоя уединились в фойе. Она сидела возле меня и, дрожа от ожидания и счастья, машинально играла веером. При вечернем освещении, та chère, она прекрасна, ужасно прекрасна!

Увертюра, объяснялся я в любви, навела меня на некоторые размышления, Зоя Егоровна... Столько чувства, столько... Слушаешь и жаждешь... Жаждешь чего-то такого и слушаешь...

Я икнул и продолжал:

Чего-то такого особенного... Жаждешь неземного... Любви? Страсти? Да, должно быть... любви... (Я икнул.) Да, любви...

Зоя улыбнулась, сконфузилась и усиленно замахала веером. Я икнул. Терпеть не могу икоты!

Зоя Егоровна! Скажите, умоляю вас! Вам знакомо это чувство? (Я икнул.) Зоя Егоровна! Я жду ответа!

Я... я... вас не понимаю...

На меня напала икота... Пройдет... Я говорю о том всеобъемлющем чувстве, которое... Чёрт знает что!

Вы выпейте воды!

Объяснюсь, да тогда уж и схожу в буфет, подумал я и продолжал:

Я скажу коротко, Зоя Егоровна... Вы, конечно, уж заметили...

Я икнул и с досады на икоту укусил себя за язык.

Конечно, заметили (я икнул)... Вы меня знаете около года... Гм... Я честный человек, Зоя Егоровна! Я труженик! Я не богат, это правда, но...

Я икнул и вскочил.

Вы выпейте воды! посоветовала Зоя.

Я сделал несколько шагов около дивана, подавил себе пальцами горло и опять икнул. Ma chère, я был в ужаснейшем положении! Зоя поднялась и направилась к ложе. Я за ней. Впуская ее в ложу, я икнул и побежал в буфет. Выпил я воды стаканов пять, и икота как будто бы немножко утихла. Я выкурил папиросу и отправился в ложу. Брат Зои поднялся и уступил мне свое место, место около моей Зои. Я сел и тотчас же... икнул. Прошло минут пять я икнул, икнул как-то особенно, с хрипом. Я поднялся и стал у дверей ложи. Лучше, та chère, икать у дверей, чем над ухом любимой женщины! Икнул. Гимназист из соседней ложи посмотрел на меня и громко засмеялся... С каким наслаждением он, каналья, засмеялся! С каким наслаждением я оторвал бы ухо с корнем у этого молокососа-мерзавца! Смеется в то время, когда на сцене поют великого Фауста! Кошунство! Нет, та chère, когда мы были детьми, мы были много лучше. Кляня дерзкого гимназиста, я еще раз икнул... В соседних ложах засмеялись.

Bis! прошипел гимназист.

Чёрт знает что! пробормотал полковник Пепсинов мне на ухо. Могли бы и дома поикать, сударь!

Зоя покраснела. Я еще раз икнул и, бешено стиснув кулаки, выбежал из ложи. Начал я ходить по коридору. Хожу, хожу, хожу и всё икаю. Чего я только не ел, чего не пил! В начале четвертого акта я плюнул и уехал домой. Приехавши домой, я, как назло, перестал икать... Я ударил себя по затылку и воскликнул: Икай теперь! Теперь можешь икать, освистанный жених! Нет, ты не освистанный! Ты не освистал себя, а... обьикал!

На другой день отправился я, по обыкновению, к Пепсиновым. Зоя не вышла обедать и велела передать мне, что видеться со мною по болезни не может, а Пепсинов тянул речь о том, что некоторые молодые люди не умеют держать себя прилично в обществе... Болван! Он не знает того, что органы, производящие икоту, не находятся в зависимости от волевых стимулов.

Стимул, та chre, значит двигатель.

Вы отдали бы свою дочь, если бы таковая имелась у вас, обратился ко мне Пепсинов после обеда, за человека, который позволяет себе в обществе заниматься отрыжкой? А? Что-с?

Отдал бы... пробормотал я.

Напрасно-с!

Зоя для меня погибла. Она не сумела простить мне икоты. Я погиб.